

C. Ситар

Об акции «Бетонка», 9-10.09 2024

Тексты буддийского канона сообщают о существовании так называемых «полей будд» или «чистых земель» — особых локаций, которые организуются сострадательными усилиями наиболее просветленных форм сознания. Из-за своей «заряженности» состоянием непоколебимого блаженства эти недоступные для профанных страстей места, как принято считать, предлагают перемещенным в них адептам особенно благоприятные условия для практики дхармы. Поездка 9-10 сентября в окрестности Николиной Горы — в треугольник, образованный селом Успенское, усадьбой Уборы и санаторием «Сосны» — метафорически воспринималась как исследовательская командировка в одну из таких «чистых земель». Сама же акция «Бетонка» — внутри превосходившего ее по эмпирическому объему события «экскурсии в рай» — приобретала смысл его кульминационного центра, торжественно-сакрального ритуала «передачи учения»¹.

Предметно-пластическое содержание этой акции, как это вообще свойственно перформансам КД, создавало предпосылки для образования «кометного хвоста» расходящихся интерпретаций. Акции жест как таковой при этом отличался подчеркнутым лаконизмом: мы с Оксаной, по просьбе АМ, произвели забрасывание двух маленьких ламинированных QR-кодов в «зону невидимости» по обе стороны от дороги, пересекающей пустынное поле. Мои интерпретации этого события постепенно расслоились на три или даже четыре яруса, прогрессирующих в направлении все большей «глубины» и одновременно необязательности-произвольности.

Первый из этих «ярусов» был намечен самим Андреем Монастырским устно в ходе осуществления акционных действий, а затем представлен в виде письменного примечания к описательному тексту акции «Бетонка». Основу его составляет формула «деактивация дискурсивной фигуры КД “анонимный зритель”... [которая] всегда раньше была важной мотивацией для реализации акций»². Еще находясь на поле мы успели обсудить связь этой линии с тяжелым историческим фоном и возникающим в результате синдромом анестезирующего внутреннего отчуждения от привычной территориально-языковой общности — т.е. от всех, кто потенциально, в силу культурно-географической близости, мог бы оказаться в роли этих самых «анонимных зрителей». Это отчуждение, стоит сказать, не менее остро ощущалось в течении всего нашего пребывания в «треугольнике», и особенно в

¹ Разумеется, все эти символические проекции следует воспринимать с ироничной поправкой на то, что санаторий «Сосны», где мы провели ночь с 9-го на 10-е — это бывший санаторий ЦК КПСС, что расположенное в центре треугольника поле «1-го Конезавода» связано с Никитой Михалковым, что в Уборах примостился сказочный замок художника Александра Шилова, и т.д.

² Сокращенная цитата из ОТ акции «№ 179 БЕТОНКА».

санатории. Если я правильно помню, разговор на поле мельком затронул и сопутствующий этому дистанцированию эффект перцептивной дереализации — подобный тому, который испытывал Декарт, когда, в самом начале своей «рационалистической» ментальной революции, он взвешивал на критических весах резонность предположения, что все окружающие его в повседневной жизни люди — это на самом деле просто говорящие и двигающиеся механизмы, лишённые, в отличие от него, связи с «мыслящей субстанцией».

Следующий за прощанием с «анонимным зрителем» герменевтический слой можно было бы обозначить как слой «исчезновения (ситуации) исчезновения» или — используя чуть более «продвинутой» терминологию — как уровень диаграмматизации (или «томограмматизации») перехода эмпирического содержания в состояние идеально-виртуального. Своим появлением второй слой был обязан тому примечательному факту, что большие панорамные окна и балконы двух номеров в санатории «Сосны», в которые мы заселились вскоре после акции, смотрели через реку на то самое огромное поле, где происходило забрасывание в «невидимость» QR-кодов. Посфактум кажется достаточно очевидным, что эта «вторая созерцательная площадка» была так или иначе предусмотрена общим предварительным замыслом акции-как-поездки — и, вполне вероятно, рассматривалась заранее как значимый элемент ее структуры. Расположившись в номере и, естественно, устремив взгляды на раскрывающийся за окном, захватывающий своей протяженностью и живописностью вид, мы получили неординарную возможность пережить «растворение в невидимости» *самого эмпирического контекста*, по отношению к которому мы до этого «удаляли в невидимость» миниатюрные объекты акционного реквизита: мы знали, что перед нами то самое поле, на котором только что прошла акция (при том, что теперь оно стало видимым практически целиком); мы могли, пожалуй — хотя, так сказать, гадательно, уже с изрядной долей сомнения — визуально идентифицировать пересекающую это поле пешеходную «бетонку»; однако теперь оказалось уже абсолютно невозможным выделить среди множества рассыпанных по полю молодых древесных побегов те конкретные свежесвыросшие березки, на которые мы ориентировались во время действия — и, соответственно, то конкретное место, где недавно «исчезли» выданные нам АМ QR-коды. Более того, стало ясно, что теперь мы едва ли смогли бы однозначно опознать это место, даже если решили бы с этой целью пройти по бетонке снова. Получилось, таким образом, что, вслед за непосредственно-визуальным исчезновением предметов акции на поле во время действия, теперь исчезла также и возможность подтвердить само их существование через их повторное предъявление самим себе или кому-то другому. Подобное «исчезновение в квадрате» было бы, наверное, адекватным расценивать как уничтожение — за исключением того, что при физическом уничтожении всегда остаются какие-то материальные «останки» (осколки, крошки, дым, пепел...), а примененное к QR-кодам уничтожение посредством «дублированной внеаходимости» проблематизировало саму категорию существования, раскрывая ее глубинную опосредованность феноменологической интенциональностью и/или прагматическими «ветрами-устремлениями». В обсуждаемом ракурсе произведенный акцией жест «двойного уничтожения» кажется поэтому правомерным соотнести с

буддийской фазой осознания пустотности дхармо-частиц (минимальных атомов действительности), которая следует за опустошением мира форм и открывает живую пустоту, свободную от всякой унаследованной определенности, в том числе от бинарности существования-несуществования.

Существование предметов акции в их идеально-виртуальном состоянии, впрочем, все равно при этом сохраняется и длится — трудно или даже невозможно полностью «растворить», «ликвидировать» свое понимание того, что мы на самом деле видели эти QR-коды, держали их в руках и производили с ними определенные действия. С этой проблемой, по-видимому, связано появление третьего интерпретативного уровня, который уже едва ли мог быть предвосхищен исходным планом. Сложился он благодаря тому, что, уже после наступления темноты, мы с Оксаной решили выйти из номера на свежий воздух и просидели час или полтора на «заоградном» склоне (примерно под нашими же окнами), обсуждая разные интересные сюжеты и глядя при этом на все то же поле, но только радикально изменившее свой облик при ночном освещении. Тут стоит добавить, что с пребыванием в грозовых сумерках на противоположном Николиной Горе берегу реки Москвы у меня связано одно давнее, но очень сильное и даже судьбоносное переживание «калачакро-подобной» инициации в неразрывное единство макро- и микро-космических процессов. Эта история была одним из предметов нашего тогдашнего разговора — наряду с темой огня, которую в данный момент углубленно исследует Оксана. Одновременно мы с изумлением открыли для себя, что «наше» поле, казавшееся при свете дня совершенно пустым и неподвижным, превратилось теперь в бурную мешанину снующих в разных направлениях цветных огоньков и отдаленных механических звуков. «Партером» представшего перед нами лучистого броуновского копошения была линия, образованная двумя караванными цепочками автомобилей, сияющих своими фарами и красными габаритными огнями. В эту бархатисто-гудящую, двунаправленную, размеченную дорожными фонарями линию изредка вливались синие проблесковые маячки и тревожные звуки полицейской сирены. Позднее с помощью спутниковой карты я выяснил, что в виде этой шумной линии перед нами предстала федеральная трасса А-106, называемая также «Царской дорогой»: днем ее почти не было видно за полосой придорожных деревьев, но теперь, из-за концентрации искусственных источников света, она полностью затмила растаявшее в темноте поле, проступив очень ярко и став как бы центральным «выставочным объектом» наблюдаемого нами заречного пространства. Над трассой, кроме того, образовался не менее завораживающий своей энергичной светомузыкальностью «амфитеатр» или «балкон». Его центром было сгустившееся над горизонтом в направлении нашего взгляда огромное световое облако-ореол — оно напоминало пчелиный улей, к которому и от которого перемещались по темному небу неторопливые «пчелы», мерцающие то желтыми, то красными, то какими-то серебристо-кварцевыми световыми оттенками. Заметив этот «улей», мы сразу заподозрили, что это аэропорт Внуково — позднее, в ходе сверки впечатлений с картой, эта догадка подтвердилась. «Пчелы», соответственно, были взлетающими и заходящими на посадку самолетами — они поодиночке трассировали все расстилавшееся над нами темное небо, иногда включая мощные противотуманные прожекторы, а их

одновременно видимое число в районе «облака света» доходило порой до четырех или даже пяти. Разумеется, с точки зрения обыденного практического сознания между «удалением в невидимость» QR-кодов и этим превращением акционного поля в движущуюся световую инсталляцию не было и не могло быть никакой реальной связи. Однако гравитация чистой осознанности (или феноменологического «чистого я») подталкивала нас к снятию традиционной причинности в пользу переживания абсолютной спонтанности-беспричинности всего, а значит — через эту точку обнуления — к возможности совершенно иных, «странных» версий причинности. Выражением «патологически искаженной» причинности такого типа стала замаячившая во время нашего сидения на склоне гипотеза, основанная на том, что QR-коды, подобно средствам авто- и авиа-сообщения, суть «машины коммуникации» — причем в сравнении с авиа- и авто-маршрутами они предстают как средства коммуникации предельно миниатюризированные, концентрированные или «свернутые». Из этой нехитрой последовательности умозаключений — под знаком постфеноменологической причинности — и возникла в итоге мысль, что развернувшийся перед нами «замедленный взрыв» транспортных огней можно — и было бы даже естественно — трактовать как «урожай» неких «коммуникационных растений», «взошедших» с наступлением ночи на поле, которое мы перед этим «засеяли» QR-кодами как своего рода «семенами» или «спорами коммуникации».

Четвертый и последний на данный момент уровень прочтения, о котором хотелось бы упомянуть вкратце, представляет собой уже, так сказать, «интерпретацию интерпретации». Он отталкивается от проведенного выше сравнения QR-кодов с сетями и средствами пространственного перемещения. На первый взгляд, QR-коды — это явление уже какого-то неземного, неизмеримо более высокого порядка. В отличие от привычной механизированной транспортировки, осуществляемое с их помощью перемещение является мгновенным и неограниченным по своему дальнему действию. Кроме того, если рассматривать QR-коды как ссылки на размещенные в сети видеоматериалы (а «посаженные» нами на поле QR-коды вели именно на страницы *видеодокументации* предыдущих акций КД, так или иначе связанных с фигурой «анонимного зрителя»), то их функцией оказывается перемещение не только в пространстве, но и во времени — ведь каждое видео можно рассматривать как «вечную» фиксацию какого-то прошедшего события в его живой становящейся действительности. Кажется поэтому, что Всемирная паутина и активируемые QR-кодами переходы по гиперссылкам в своей совокупности (как система) уносят нас в чудесное «безвременное» гиперпространство, трансцендентное по отношению к сансарическому миру взаимозависимого происхождения. С другой стороны, этот соблазнительный переход в виртуальное зазеркалье можно не без оснований рассматривать и как квази-трансценденцию, уводящую в некую квази-нирвану, которая имеет форму бесконечной библиотеки, хранилища или скорее даже бесконечного *захоронения* неисчислимых тщетных схватываний и ложных отождествлений. В этом смысле обычные транспортные перемещения оказываются как будто, наоборот, «чище» электронно-цифровых — поскольку первые, благодаря их остаточной связи с полнотой человеческой телесности и в-здесь-и-сейчас-укорененности (с

индивидуирующей экзистенцией, Dasein, с этикой как измерением ответственного действия-поступка и т.д.), отчасти возвращают нас из «окаменевшего архива» к неопределенности и спонтанности. В такой оптике отбрасывание QR-кодов (вместе с прилипшей к ним фигурой виртуализированного «анонимного зрителя») приобретает значение уже не «посева», а скорее какого-то ритуального очищения-избавления, а танец ночных огней, в свою очередь — не «урожая», а ослабленного эха дурного сна, из которого то ли вырастает, то ли шлет нам прощальный привет надежда на пробуждение³.

³ Похоже, кстати, что признаки близости к выстроившейся в четвертом слое ценностно-этической разметке отношений между «цифровым» и «телесным» содержит работа Микеланджело Пистолетто, фотографию которой «по совпадению» прислала Андрею Монастырскому во время акции Сабина Хэнсен, и в которой QR-коды-гиперссылки представлены в виде язв или очагов проказы, стохастически разъедающих полуобнаженное тело известного итальянского художника.